

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Конрад Буссов. Московская хроника

Печатается по кн.: Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.-Л., 1961.

Смутное состояние Русского государства в годы правления царей Федора Ивановича, Бориса Годунова и в особенности Димитриев и Василия Шуйского, а также избранного затем принца королевства Польского Владислава, от 1584 до 1613 г., год за годом без пристрастия описанная в весьма обстоятельном дневнике с такими подробностями, какие нигде более не приводятся, одним проживавшим тогда в Москве немцем, свидетелем большинства событий, господином Конрадом Буссовым, е. к. в. Карла, герцога Седерманландского, впоследствии Карла IX, короля Шведского, ревизором и интендантом завоеванных у Польской короны земель, городов и крепостей в Лифляндии, позже владельцем поместий — Федоровское, Рогожна и Крапивна в Московии.

Главы IX и X

О князе Василии Шуйском и Димитрии втором, который хотел свергнуть Шуйского и выдать себя за спасшегося Димитрия и т.д. Также о Сигизмунде III, короле польском и пр., как вмешался он, и о сыне его королевского величества господине Владиславе, как ему были предложены Московская земля и престол.

В том же 1606 г., 24 мая, — это был 8-й день после измены и убийства, — князь Василий Шуйский, тот, что прошлой осе-

ню побывал в руках палача, был раздет его подручными и уже положил голову на плаху, ибо ему на месте публичных казней должны были топором запретить заниматься изменами без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы. Сразу после этого некоторые из находившихся в Москве вельмож и дьяков были отправлены по стране, чтобы привести к клятве и присяге весь простой народ и все дворянство, все города и общины. Став царем, Шуйский первым делом отправил посольство к польскому королю и обвинил его величество в том, что не было соблюдено заключенное в свое время перемирие, и присовокупил к этому просьбу прекратить нападения на рубежи и придерживаться добрососедских отношений. При этом он послал королю всевозможные великолепные подарки и подношения и, замечая за собой следы, сообщил его королевскому величеству, как его подданные, люди воеводы Сандомирского, издевались над жителями Москвы и тем вызвали мятеж, во время которого было убито столько поляков, но королевскому послу не было причинено никакого зла, ибо он, Шуйский, сам лично его охранял и в будущем отпустит обратно в полном здравии.

ОТВЕТ КОРОЛЯ

Король Сигизмунд III тоже послал новому царю Шуйскому привет и отозвал своего посла, который был отправлен к Димитрию. Касательно убитых его величество отвечал, что поляки свободные люди, они могут ездить и служить, где и кому им вздумается, что они по собственной воле поехали с воеводой Сандомирским и его дочерью на свадьбу, и если они там что-то натворили и за это им, в свою очередь, досталось, то до этого его королевскому величеству дела нет и потому он этим заниматься не станет, а что будут делать родственники убитых, то тут его величество ничего поделать не может. Они, польские вельможи, — вольные люди, если они захотят отомстить, то его величество не может им запретить этого. Присланных подарков

его величеству было не надобно, и он отослал их все обратно, требуя только возвращения своего посла, который вскоре после этого и был туда отпущен.

Всех других поляков Шуйский посадил в тюрьмы в разных концах страны и так очистил христианский город Москву от нехристей (как они называют всех иноземцев), что там остались только истинные христиане и благочестивые люди (как же!).

23 июня он выгнал из Москвы четырех докторов медицины, с которыми много общались поляки Дмитрия и люди воеводы Сандомирского, потому что он им уже не доверял. Пятого доктора, Давида Фасмара из Любека, который всегда жил уединенно и тихо и с теми поляками никаких особых дел не имел, он оставил своим лекарем. Так как в это время широко распространилась выдумка о спасении Дмитрия, москвиты были сильно сбиты с толку таким странным известием и скоро перестали уже понимать, во что и кому им верить.

МАХИНАЦИИ ШУЙСКОГО

Шуйский, которому это было важнее, чем кому-либо иному, решил вывести русских из заблуждения и поэтому послал 30 июня в Углич вырыть труп настоящего Дмитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет и давно истлевшего, перевезти его в Москву и похоронить в той же церкви, где лежат прежние цари. Сделано это было лишь для того и с той целью, чтобы простонародье узнало и увидело, как дерзко оно было обмануто Дмитрием, а теперь снова может дать себя обмануть второму появившемуся Дмитрию. А чтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего поповича, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву. Сам же он вместе со своими князьями, боярами, монахами и попами выехал с крестами и хоругвями встретить тело царя, которое он велел пышной процессией внести в церковь усопших царей. По его повелению было всенародно объявлено, что князь Дмитрий, невинно убиенный в юности, — большой святой у Бога, он, мол, пролежал в земле 17 лет, а его тело так же нетленно, как если бы он только вчера умер. И орехи, которые были у него в руке на площадке для

игр, когда его убили, еще тоже не сгнили и не протухли, точно так же и гроб не попорчен землей и сохранился как новый. Кто желает его видеть, пусть сходит в царскую церковь, где он поставлен; церковь всегда будет отперта, чтобы каждый мог туда пойти и поглядеть на него. Шуйский подкупил нескольких здоровенных людей, которые должны были прикинуться больными. Одному велели на четвереньках ползти к телу св. Дмитрия, другого повели туда под видом слепца, хотя у него были здоровые глаза и хорошее зрение. Они должны были молить Дмитрия об исцелении. Оба, конечно, выздоровели, парализный встал и пошел, слепой прозрел, и они сказали, что им помог св. Дмитрий.

Этому поверило глупое простонародье, и такое неслыханное и страшное идолопоклонство началось перед телом, что Господь Бог разгневался и одного человека, представившегося слепым и хотевшим, чтобы св. Дмитрий снова сделал его зрячим, там же в церкви лишил зрения. Другого, прикинувшегося больным и велевшего нести себя к Дмитрию, чтобы найти там помощь, Бог наказал так, что в церкви он умер. Когда это кривляние привело к тому, что даже дети стали замечать, что это только чистый обман и подлог, Шуйский приказал закрыть церковь и никого в нее не пускать, объявив, что слишком много людей беспокоило св. Дмитрия. Они его рассердили, нужно оставить его на некоторое время в покое и до той поры ему не досаждают, пока он не придет в хорошее расположение духа.

Глава XI

*Furtum et figmentum*¹ князя Григория Шаховского, которыми он нанес очень большой вред царю Шуйскому

ЗОЛОТАЯ ПЕЧАТЬ

Один именитый князь, по имени Григорий Шаховской, во время мятежа, когда был убит царь Дмитрий, похитил золотую государственную печать и бежал по направлению к пограничной крепости Путивль, взяв с собой из Москвы еще двух поляков в русском платье. Под Серпуховом он переправился через реку

¹ Воровство и выдумка.

Оку, дал перевозившему его лодочнику шесть польских гульденов на чай и спросил его, знает ли он их и известно ли ему, кто они такие. Лодочник ответил: «Нет, господин, я вас не знаю». Князь сказал: «Молчи, мужичок, и никому не рассказывай, ты перевез сейчас царя всея Руси Димитрия». Указал простодушному мужичку на одного из двух поляков и сказал: «Смотри, вот юный герой, которого наши московиты хотели убить, он от них, слава и благодарение Богу, ушел, мы направляемся в Польшу и приведем оттуда войско; он сделает тебя большим человеком, если Бог поможет нам снова прийти сюда. Пока же довольствуйся этой малостью».

Подобную же выдумку рассказал князь и в городе Серпухове одной немецкой вдове, где они обедали. Он дал ей полную пригоршню золота и сказал: «Ты, немка, довольствуйся этим, приготовь хороший мед и водку, мы, Бог даст, скоро вернемся с большой ратной силой, но вам, немцам, от этого вреда не будет». Женщина спросила: «Господин, что вы за люди? Вы говорите странные вещи». Князь ответил: «Я князь из Москвы и говорю тебе, что сейчас у тебя ел и пил царевич Димитрий, которого московиты во время своего мятежа хотели лишить жизни, но он с Божьей помощью тайно ушел от них и оставил вместо себя другого, того они схватили и убили. Мы скоро снова будем у вас». После этого они во всю прыть скакали от одного города к другому до самого Путивля, оставляя после себя на всех постоянных дворах это известие, а именно что Димитрий не убит, а спасся, вследствие чего вся страна от Москвы до польского рубежа поверила, что царь Димитрий и вправду спасся и еще жив. Слух об этом дошел до Москвы, и в простонародье в связи с этим возникли дикие и нелепые мысли.

В Путивле те двое поляков отделились от князя Григория Шаховского, поехали прямо в Польшу, к жене воеводы Сандомирского, принесли ей весть об ужасном побоище, которое произошло в Москве, и рассказали, как один московитский князь по имени Григорий Шаховской тайком вывел их из Москвы и доставил через всю страну в Путивль и что этот князь намеревается и клянется так отомстить за смерть царя Димитрия, что, пока существует Россия, его соотечественники будут об этом говорить.

Он собирается также написать сюда, в Польшу, сделав вид, что Димитрий, его государь, добрался до Польши и здесь живет, а они напишут ему отсюда в Путивль, как будто ему отвечает Димитрий. Князь Шаховской собрал в Путивле всех горожан, рассказал им, что московиты хотели расправиться с царем Димитрием, что он тайно сбежал, а его поляков всех убили, что он пробрался в Польшу, к матери своей супруги-польки, воеводше Сандомирской, и хочет собрать новую военную силу, чтобы с ней как можно скорее опять пойти в Россию и отомстить своим клятвопреступным московитам. Он повелел ему, Шаховскому, всячески убеждать их, обещая им царскую милость, чтобы они хранили верность Димитрию и помогли ему отомстить московитам за такой позор. Он так отплатит неверным псам, чтобы об этом передавали из поколения в поколение.

Путивляне тотчас же послали в Дикое поле и спешно набрали несколько тысяч полевых казаков, вызвали также всех князей и бояр, живущих в Путивльской области, их тоже было несколько тысяч. Когда эти последние соединились с казаками, над ними был поставлен воевода по имени Истома Пашков. Во имя Димитрия они должны были двигаться дальше, чтобы снова покорить и взять крепости и города, которые отпали от Димитрия во время московского бунта. Но те, узнав, что царь Димитрий не убит, а тайно ушел, жив еще и снарядил это войско, без всякого сопротивления все до самой Москвы добровольно сдались, снова присягнули Димитрию и были очень недовольны теми, кто был виновен в плачевных событиях и ужасных убийствах в Москве.

Новый царь, цареубийца Шуйский, очень испугался при этой вести, спешно призвал всю землю к войне. А чтобы все как можно раньше, скорее и не мешкая явились в стан, он придумал ложь и сказал, что будто крымские татары с войском в 50 000 человек вторглись в страну, уже взяли в плен много тысяч московитов, отвезли их в Татарию и сильно свирепствуют в стране, а поэтому всем надо, не глядя, день или ночь спешить в Москву, чтобы оказать сопротивление татарам.

В августе этого года войска царя Шуйского подошли к Ельцу, но обнаружили, что там вовсе не татары, а их собственные соотечественники — князья, бояре и казаки, которые сражаются за Ди-

митрия, и те так побили и потеснили их, что им пришлось уйти обратно в Москву. С теми же из них, которые попали в плен, путивляне обращались очень плохо, им пришлось проглотить множество злых насмешек, им говорили: «Вы, сукины дети, москвичи, с вашим Шубником (так они называли цареубийцу Шуйского) хотите убить государя, перебить его людей и напиться царской крови; пейте, мерзавцы, воду и жрите блины, как привыкли. Наш царь сумеет отомстить вам как следует за это убийство, когда он придет из Польши со своим вновь набранным войском».

Некоторых пленников, сильно избив их и до полусмерти исполосовав кнутом, они отпустили и отослали обратно в Москву, где они тоже были плохо приняты своими собственными братьями, а за вести, которые пришлось не по вкусу Шуйскому и его приверженцам, их бросили в тюрьму, где они умерли и сгнили. Шуйский приказал объявить всем жителям Москвы, какое великое зло причинили России поляки и их поддельный Дмитрий, как истоцилась казна, сколько пролито христианской крови и как по милости Дмитрия столь жалостно погиб бедный государь Борис Федорович Годунов с сыном и женой, как предатели страны снова распространяют слух, что Дмитрий будто бы сбежал, а не был убит, но даже если бы было и так (чего на самом деле вовсе нет), то все равно ведь это не Дмитрий, сын царя Ивана Васильевича, а обманщик, которого они не хотели принять, чтобы он не ввел в стране поганую веру. А для того чтобы вызвать в народе христианское сострадание, он, Шуйский, приказал три мертвых тела — Бориса, его сына и жены (которые были погребены в бедном монастыре) — снова вынести оттуда, увезти в Троицкий монастырь и там похоронить по царскому чину. Тело Бориса несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь, расположенный в 12 милях от города Москвы. Этот монастырь необычайно могуществен. Ни один знатный вельможа во всей стране не умирает, не отказав туда в своем завещании крупный вклад. Этот монастырь, когда в стране немирно, должен выставлять для царя 20 000 вооруженных всадников.

Дочь Бориса Федоровича, одна только и оставшаяся в живых, которую должен получить в жены господин брат его величества короля Дании и пр., герцог Иоганн, высокочтимый и блаженной памяти (как говорилось выше), ехала следом за этими тремя телами в санях с пологом, причитала и голосила: «О горе мне, бедной, покинутой сироте! Самозванец, который называл себя Дмитрием, а на самом деле был только обманщиком, погубил любезного моего батюшку, мою любезную матушку и любезного единственного братца и весь наш род, теперь его самого тоже погубили, и как при жизни, так и в смерти своей он принес много горя всей нашей земле. Осуди его, Господи, прокляни его, Господи!» Теперь многие стали сильно оплакивать и жалеть Бориса, говоря, что лучше было бы, если бы он жил еще и царствовал, а эти безбожные люди умышленно и преступно погубили и извели его вместе со всем его родом ради Дмитрия. Как говорится: «Не отказывайся от старого друга прежде, чем хорошо не испытаешь нового».

Упомянутый выше воевода путивльского войска Истома Пашков продвинулся в августе этого года с имевшимися у него силами ближе к Москве, дошел до Коломенского и снова привел к присяге и к подчинению Дмитрию второму многие крепости, города и местечки без всякого с их стороны сопротивления. К Михайлову дню он подошел ближе к Москве и встал лагерем в Котлах, примерно в миле с четвертью от Москвы. От имени своего государя Дмитрия он потребовал сдачи города, а также выдачи трех братьев Шуйских, как изменников царю и зачинщиков имевшего место мятежа и страшного убийства. В это время многие из жителей Москвы, как местные, так и иноземцы, считая все уже потерянным, стали тайно уходить из города к врагу.

Глава XII

Об Иване Исаевиче Болотникове, который пришел в Польшу из Венеции, и о том, как в Польше некто, требовавший, чтобы его титуловали Дмитрием и царем России, послал его воевать в Россию

Вскоре после Мартынова дня на помощь путивльскому воеводе Истома Пашкову пришел через Комарицкую волость на

Калугу и затем дальше к Москве на Котлы очень опытный воин Иван Исаевич Болотников. Вся местность, по которой он проходил, он снова привел к присяге собирающемуся прибыть Димитрию и тем изрядно укрепил свое войско.

Этот Болотников по рождению был москвитин, в юности был захвачен в Диком поле татарами, с которыми москвитам ежегодно приходится воевать, и продан в Турцию, где он был прикован на галерах и несколько лет был принужден выполнять тяжелую и грубую работу, пока наконец его не освободили немецкие корабли, одолевшие турок на море, и не отвезли в Венецию, откуда он направился через Германию в Польшу, чтобы разузнать там про удивительные перемены, которые произошли на его родине в его отсутствие.

Как только он услышал там, что его государь, царь Димитрий, спасся от рук московских убийц, прибыл в Польшу и сейчас, как говорят, находится у Сандомирского воеводы, он отправился к нему. После того как тот, кто выдавал себя за Димитрия, тщательно проверил и расспросил его, кто он, откуда он приехал и каковы его дальнейшие намерения, и по его ответам прекрасно понял, что Болотников — опытный воин, он спросил его, хочет ли он ему служить против своих преступных соотечественников, этих вероломных злодеев. Когда тот ответил, что в любое время готов отдать жизнь за своего наследного государя, мнимый Димитрий сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь в Польше, что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук».

С письмом и с этими вестями Болотников немедля отправился в Путивль, где был принят радушно и благожелательно, и все это побудило и склонило путивлян твердо поверить, что Димитрий, как им уже ранее сообщил князь Григорий, несомненно, спасся и еще жив. Они стали еще смелее бороться с клятвопре-

ступниками, проливали свою кровь и теряли свое состояние и имущество ради него, хоть он и вовсе был не истинный, а новый, подставленный поляками Димитрий.

На основании этого письма и этих вестей Болотников был назначен большим воеводой, т. е. старшим военачальником, и послан с 12 000 ратников через Комарицкую волость к Истому Пашкову под Москву, которую он вскоре осадил и даже добился бы сдачи города, если бы этому не помешало несогласие, начавшееся между обоими воеводами. Произошло это потому, что, придя под Москву, Болотников, как старший военачальник вместо Димитрия, захотел занять для своего лагеря самое удобное место и потребовал, чтобы он почитался большим начальником, чем Пашков, поскольку этот был поставлен воеводой одним только князем Шаховским, а его, Болотникова, в Польше назначил и поставил в старшие военачальники сам мнимый царь. Поэтому Пашкову пришлось уйти с занятого им места и уступить его Болотникову и его ратным людям.

Так как это бесчестье и позор сильно рассердили Истому, он задумал, в свою очередь, сыграть шутку с Болотниковым и потому вступил в тайные переговоры с московским врагом, царем Шуйским; получив от него большие подарки золотом и серебром, он сообщил ему, что до настоящего времени еще ни одна живая душа в Путивле Димитрия не видела и о нем знают не более того, что в самом начале сообщил князь Григорий Шаховской, а именно — что он не убит, а тайно ушел и укрылся в Польше и т. п. Кроме того, Пашков сообщил еще про то, что Болотников рассказывает, как он не только видел Димитрия в Польше и с ним разговаривал, а даже им самим был там назначен старшим военачальником вместо него. Правда ли, что Димитрий бежал и находится в Польше и сам прислал этого Болотникова, назначив его вместо себя, или поляки и Шаховской выпестовали нового Димитрия, этого он знать не может, но, как сказано, до настоящего времени Димитрия в Московии никто не видел.

Тогда жители города Москвы послали в лагерь к Болотникову такое требование: если тот Димитрий, который прежде был в Москве, жив и находится у него в лагере или где-либо в ином месте, то пусть Болотников покажет его или призовет его к себе,

чтобы они увидели его собственными глазами. Если это произойдет, они перед Димитрием смирятся, будут умолять о прощении и милости и сдадутся ему без сопротивления.

Болотников ответил, что Димитрий действительно живет в Польше и скоро будет здесь. Он сказал также: «Я у него там был, и он сам лично назначил меня вместо себя старшим военачальником и отправил в Путивль с письменным распоряжением». Московиты сказали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили» — и стали уговаривать Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и сдался царю Шуйскому, и тот сделает его большим человеком. Болотников ответил: «Этому моему государю я дал нерушимую клятву не жалеть своей жизни ради него, что я и сдержу. Поступайте, как вам кажется лучше, если вы не намерены сдаться добром, я тоже вместо моего государя поступлю так, как мне кажется лучше, и скоро вас навещу».

После этих переговоров Болотников спешно отправил гонца к князю Григорию Шаховскому с сообщением о желании москвичей и с просьбой как можно скорее послать в Польшу к царю Димитрию и приложить все старание, чтобы убедить его не мешкая и как только можно скорее снова вернуться в Россию и заявиться в лагере Болотникова, так как тот довел дело с москвичами до того, что они окончательно решили, как только снова увидят Димитрия, покориться ему, умолять о прощении и милости и сдаться без всякого сопротивления, а посему Димитрий не должен больше набирать ратных людей или приводить их с собой, а должен только сам лично как можно быстрее поспешить сюда, так как дело только за тем, чтобы увидели его особу воочию. Тогда все вскоре образуется, жители Москвы быстро схватят его предателей за загривок и выдадут их ему.

Князь Григорий не стал мешкать, написал и спешно послал в Польшу, но тот, кто по уговору с ним обещал выдать себя за Димитрия и прикинуться им, не решился на такое хитрое дело, не пожелал стать Димитрием, остался в Польше добрым дворянином и предоставил кому угодно драться за Московское царство. Так как никакого Димитрия им не показывали, московиты осмелели и стали ежедневно делать вылазки, храбро вступая в схватки.

2 декабря, узнав от лазутчиков, что враг собирается сделать более решительную вылазку, чем это имело место прежде, Болотников послал к Истому Пашкову сообщение об этом, призывая его выступить со своим войском, чтобы оказать помощь в сопротивлении врагу. Когда же враг вышел из Москвы со 100 000 человек, а Болотников пребывал в надежде, что Истома Пашков, имевший под началом 40 000 человек, окажет ему верную поддержку, Пашков с этим своим войском действительно подошел, делая вид, что он намеревается не на шутку сразиться с врагом. Болотников смело решился на сражение, имея в распоряжении 60 000 ратников, так как надеялся, что Пашков нападет на врага с другой стороны. Но благородный герой был постыдно обманут, ибо его соратник, Истома Пашков, не только не оказал ему никакой поддержки, а на поле боя перешел с несколькими тысячами человек из числа имевшихся у него людей к неприятелю и очень помог ему, тоже напав на Болотникова, благодаря чему войско Болотникова настолько поредело, что он должен был обратиться в бегство, оставив на разграбление врагу весь свой лагерь со всем, что в нем было. 10 000 казаков из его людей были полностью окружены врагом и, не имея возможности прорваться, вынуждены были сдаться.

В 18 милях от Москвы есть городок по названию Серпухов, в нем Болотников соединился с уцелевшими людьми из своего войска и спросил местных жителей, есть ли у них достаточно запасов, чтобы продолжительное время содержать его и его ратников, тогда он останется у них, чтобы дожидаться здесь прибытия Димитрия, если же нет, то ему придется оставить их и двинуться дальше. Жители Серпухова ответили, что им не надолго хватит чем прокормить самих себя и своих, а не то что его и его ратников. Так как Болотникову опасно было оставаться там дольше, поскольку враг быстро приближался, он направился дальше, в ближайший город с острогом — Калугу. Там его с еще оставшимися у него людьми радушно приняли, и жители сказали, что у них достаточно провианта на продолжительное время не только для себя и своих, но и для него и для всех его людей.

Так как, однако, этот город и острог не были укреплены, Болотников приказал вокруг города и острога вдоль тына или

частокола, который уже стоял там, вырыть с обеих сторон, снаружи и изнутри, большие рвы, а землю с обеих сторон перекидать на частокол, чтобы можно было использовать его как бруствер. Но враг безостановочно шел сюда из Москвы и осадил Болотникова 20 декабря 1606 г. в этом городе Калуге (где тогда находился и я, ибо одно из моих поместий было в той же местности и мне пришлось там остаться). Эта осада длилась до 26 мая 1607 г.

А между тем не появлялось никакого Дмитрия, который освободил бы нас от осады; не было в Польше никого, кто бы на этот раз захотел рисковать своей жизнью и стать Дмитрием. Когда князь Григорий Шаховской увидел теперь, что из Польши никто не хочет браться за это, он придумал новую шутку, чтобы все-таки досадить москвитам, даже если Дмитрий из Польши не явится. Узнав от полевых казаков, что благочестивый немудрый государь Федор Иоаннович, женой которого была сестра Бориса Федоровича Годунова, оставил сына Петра Федоровича (на жизнь которого, когда он был еще ребенком, Борис Годунов тоже посягал), и что этот князь, Петр Федорович, жил в Диком поле и уже собрался было идти к своему родичу Дмитрию просить, чтобы он дал ему возможность жить по-княжески, да Дмитрия убили — или, как говорят, он скрылся, — князь Шаховской именем Дмитрия послал к этому князю, Петру Федоровичу, призывая его приложить все усилия, чтобы спешно набрать как можно больше казаков и прийти с ними в Путивль. Там он помог бы отвоевать свое отечество и удерживать его до тех пор, пока его родственник Дмитрий не придет сам из Польши со вновь набранным войском и не утихомирит своих врагов, после чего ему, князю Петру, будет пожаловано и отдано лучшее княжество.

В ответ на это указанный князь Петр собрал 10 000 человек, поспешил с ними как только мог быстрее к Путивлю в надежде оказать помощь своему родственнику.

Князь Шаховской поехал с ним собственной персоной, и они явились в Тулу, которая представляет собой превосходную крепость. Помыслы Шаховского были направлены к тому, чтобы, если Бог даст счастья и москвиты будут побеждены, а из Польши никто не будет притязать на страну и не станет Дмитри-

ем, этот князь Петр тогда бы и стал царем (поскольку он кровный сын Федора Ивановича и потому прирожденный наследник государства). Однако пока еще все должно делаться именем Дмитрия, который в действительности умер. В этом году его княжеская светлость, герцог Карл, прислал из Швеции в Москву к царю Шуйскому посольство, для того чтобы предупредить его об опасности, призвать к тщательной осмотрительности и уведомить, что его княжеской милости небезызвестно, какие козни готовятся в Польше у короля и в Риме у папы, что он получает ежедневно надежные сведения об обоих и, поскольку его княжеское величество подозревает, что готовится нападение на владение его соседа Шуйского, — а значит, и его, Карла, владения тоже подвергнутся не меньшей опасности, — то поэтому он не только дружески предупреждает своего дорогого соседа, но также обещает, если это ему угодно, направить на благо земли Московской 10 000 человек (либо немцев, либо шведов) к Нарвскому или Новгородскому рубежу, и если они ему нужны, то пусть уж сам и содержит их.

Шуйскому не особенно были нужны и предостережения, и предложенные услуги. Он ответил его княжеской светлости, что до сих пор Россия всегда оборонялась от своих врагов силами своих собственных жителей и никогда не нуждалась в помощи соседей и, надо думать, и впредь сумеет таким же образом защитить себя сама. Но вскоре все обернулось совсем по-другому, а именно так, что Шуйский со всеми жителями земли не смог защитить себя и вытеснить врага из своей страны, и он охотно воспользовался бы предложенной его княжеской светлостью помощью, но так легко (как это было бы тогда) получить ее уже не мог, и ему пришлось затратить много средств и труда, прежде чем он заполучил в страну Понтуса Делгарди. Таким образом, Шуйский понял, что справедливо говорится: «Когда предлагают поросенка — открывай мешок».

В это время один непутевый человек по имени Фридрих Фидлер, родом из Кенигсберга в Пруссии, явился к царю Шуйскому и предложил на благо царя и всей Московской земли пойти к врагу, Ивану Болотникову, чтобы отравить его, если царь Шуйский пожалует его хорошим поместьем и некоторой суммой денег. Шуйский обещал ему дать сначала для выполнения

его замысла 1000 польских флоринов и доброго коня, чтобы с этим он отправился к Болотникову, а в случае, если он выполнит обещанное, пожаловать ему вотчину с 100 крестьянами и 300 флоринов ежегодного жалованья.

Но так как этот Фидлер был очень непутевым человеком и его лукавство было известно многим, Шуйский не захотел ему довериться, прежде чем он (до того, как получит что-либо) не принесет клятву и крепко-накрепко не обязуется действительно выполнить свои обещания и предложения, что этот непутевый человек и сделал, произнеся такую клятву, что у всех присутствующих волосы на голове дыбом встали. Он взял деньги и направился к врагу, но яд ему передал открыто, сказав, что он послан Шуйским, чтобы отравить его, но что он отнюдь не намерен этого делать и потому вручает ему этот яд, пусть он делает с ним что угодно. За это он получил от Болотникова большую награду, а душу свою выбросил за окно, чтобы черт ее побрал, если захочет; этой гнусной проделкой он создал в России дурную славу всем немцам, да и самому ему не было добра и счастья от этих иудинных денег, ибо многие из нас могут достоверно рассказать, что вместе с ними у него пропало и все, что он имел другого; лицо его ужасающе обезобразилось, и счастье от него совсем отвернулось, а еще позднее, когда город Тула сдался, он был схвачен Шуйским и сослан в опалу в Сибирь, а вместе с ним и 52 немца (среди которых, к моему большому горю, был и один из моих сыновей) по той причине, что во время осады крепости Тулы они были в ней на стороне Димитрия второго. Да сжалится над ними Господь и да вызволит Он их оттуда своей всемогущей десницей, на которую я и призываю их уповать во имя Христа. Аминь. Аминь. Аминь. <...>

В 1607 г., 13 мая, князь Петр Федорович послал свое войско из Тулы, чтобы вызволить людей своего родственника Димитрия, которых так долго осаждал в Калуге враг Шуйский. Московиты, стоявшие под Калугой, выслали навстречу ему несколько тысяч человек, в Пчельни они встретились. Московиты были обращены в бегство и должны были с большими потерями в страхе снова отступить в свой лагерь под Калугой. На другое утро, очень рано, Болотников напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шан-

цы вместе с тяжелыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали в Москву, совсем очистив поле боя.

Когда Болотников с бывшими у него ратниками освободился от осады, он пошел в Тулу к князю Петру Федоровичу. Но Шуйский вновь воспрянул духом, собрал своих разбежавшихся людей и послал их под Серпухов, имея намерение осадить Тулу, где находились те самые начальники, которые были зачинщиками всего и от которых пошли все беды. Когда лазутчики сообщили об этом, князь Петр, князь Шаховской и Иван Болотников собрались и отправились навстречу неприятелю под Серпухов, где произошла жаркая схватка, так что московиты вот-вот потеряли бы поле сражения, если бы один воевода по имени Телетин с 4000 имеющихся у него людей не изменил тульским полкам, не ободрил теснимых и не помог им биться против своих соотечественников, из-за чего тульское войско обуял такой ужас, что они бросились бежать и снова вернулись в Тулу. Там они немного передохнули, укрепились людьми, насколько это второпях было возможно, и когда войско Шуйского приблизилось к крепости Туле, они отважились второй раз и отправились встретиться с ним всем войском. Но Шуйский снова призвал всю землю до 100 000 человек, а выступившее из Тулы войско было много слабее, и поэтому оно должно было снова укрыться в крепости.

В июне Шуйский так осадил их в этой крепости, что никто не мог ни войти, ни выйти. На реке Уне враг поставил запруды в полумиле от города, и вода так высоко поднялась, что весь город стоял в воде и нужно было ездить на плотках. Все пути подвоза были отрезаны, поэтому в городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стояла 100 польских флоринов, а ложка соли — полталера, и многие умирали от голода и изнеможения.

Болотников писал и часто посылал гонцов в Польшу к своему государю, направившему его в Россию, с просьбой о помощи, но тот не явился и оставил его в беде. Казаки и все тульские жители были очень озлоблены против Болотникова и Шаховского, хотели их схватить и отослать к врагу, Шуйскому, за

то, что они выдумали такую басню и уверили их, что Димитрий еще жив.

Болотников сказал: «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу и рассказал мне, что он Димитрий и что он ушел от мятежа и убийства, а убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал и буду делать впредь, пока жив. Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видал. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле». Князя Григория Шаховского они посадили в тюрьму за то, что он говорил, что Димитрий ушел с ним из Москвы, объявили, что не выпустят его оттуда до тех пор, пока не придет Димитрий и не вызволит их. Если же он не придет, то они его, Шаховского, как зачинщика и начинателя этой войны и кровопролития, выдадут врагу — Шуйскому.

Болотников послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать: что с государем, которому Болотников присягал в Польше? Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним? Заруцкий доехал до Стародуба, не отважился ехать дальше, остался там и не принес назад никакого ответа.

Главы XIII и XIV

Об одном казаке, которого направили в Польшу, чтобы поторопить Димитрия или передать все польскому королю, и о том, как некто из Шклова в Польше выдал себя за Димитрия и приехал в Россию

Болотников и князь Григорий Шаховской велели одному казаку переправиться с письмами вплавь через реку и добраться до Польши. Указывая и жалуясь на свое крайне бедственное положение, они сообщали, что если никто из близких воеводы Сандомирского не отважится выдать себя за Димитрия и не вызволит их, то тогда они преподнесут и передадут его величеству королю польскому все крепости и города, которые они захватили и подчинили себе именем Димитрия, с тем, чтобы его величество вызволил их и они не попали бы во власть москови-

тов. Получив это письмо, близкие воеводы Сандомирского стали измышлять способ раздобыть кого-либо, кто выдал бы себя за Димитрия, и нашли у одного белорусского попа в Шклове, который был под властью польской короны, школьного учителя, который по рождению был москвитин, но давно жил в Белоруссии, умел чисто говорить, читать и писать по-московитски и по-польски. Звали его Иван. Это был хитрый парень. С ним они вели переговоры до тех пор, пока он наконец не согласился стать Димитрием. Затем они научили его всему и послали в Путивль с господином Меховецким. Там его приняли как Димитрия и оказали ему почести, что доставило большую радость всем тем, кто был на стороне Димитрия. Этот новый Димитрий поехал около дня св. Иакова из Путивля на Новгород-Северский, а оттуда дальше на Стародуб всего-навсего втроем, с Григорием Кашнецом и с одним писцом по имени Алексей, не выдавая себя, однако, за царя, а говоря, что он царский родственник Нагой, а сам царь недалеко, он идет с господином Меховецким и множеством тысяч конников, пусть они поэтому ликуют, ибо за их верность и постоянство он их щедро пожалует и даст им большие привилегии. Но когда оказалось, что Меховецкий задерживается с приездом дольше, чем это было им сказано, жителей Стародуба взяла досада, что над ними издеваются. Поэтому они взяли писца Алексея вместе с Григорием Кашнецом и с тем, кто выдавал себя за Нагого, а сам был Димитрием вторым, повели их всех троих на дыбу, писца раздели, и палач расписал ему всю спину кнутом, и при этом ему еще сказали, что отпустят его не раньше, чем он сообщит, где находится их царь Димитрий, жив ли он, где он, отчего его так долго нет и т.п.

К подобной росписи бедняга писец не привык, он и решил: будь что будет угодно Николе, а он скажет, что этот Нагой на самом деле Димитрий, а вовсе не Нагой, за которого он себя выдает. Поэтому он спросил, чтобы его отпустили, и тогда он скажет, где царь. После того как палач снял его с дыбы, он сказал народу: «Ах вы, дурни, ну как вы посмели ради вашего государя эдак отделать меня? Вы что, не узнаете его, что ли? Он же стоит и смотрит, как лихо вы со мной обращаетесь, вон он стоит, тот, который выдает себя за Нагого, глядите на него. Хотите

его сожрать вместе с нами — жрите, поэтому-то он не хотел объявиться, пока не испытает вас и не узнает, радуется ли вы его приезду». Когда стародубцы услышали такие речи, эти бедные, жалкие, невежественные люди упали ему в ноги, и каждый за себя сказал: «Я виноват, государь, перед тобой и готов пожертвовать жизнью за тебя в борьбе против твоих врагов». Затем они повели его с большим почтением в Кремль, в царские палаты, и так Димитрия второго приняли, оказав ему почести, как истинному Димитрию.

Когда об этом узнал Иван Мартынович Заруцкий (который, как сказано выше, был послан из Тулы к Димитрию и там, в Стародубе, так долго задержался), он очень обрадовался приезду Димитрия, поспешил к нему, чтобы передать ему письма, но с первого взгляда понял, что это не прежний Димитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести, как будто он был обязан сделать это и прекрасно знает его, хотя раньше он его никогда не видал. Эта большая почтительность Заруцкого еще больше убедила стародубцев в том, что это, несомненно, Димитрий первый. В этот же самый день Меховецкий с несколькими отрядами польских конников тоже приехал в Стародуб. Димитрий велел ему тотчас же отправиться в Козельск и освободить город от осады. Он сказал также, что сам вскоре последует за Меховецким и освободит от осады Тулу и Калугу (где тогда и сам я сидел в осаде). <...>

Так как Димитрий не приходил, а осажденным в Туле не на что было надеяться и люди от слабости уже едва могли ходить и стоять в доме в комнатах, князь Петр и Болотников начали переговоры с Шуйским, объявили ему, что если он сохранит им жизнь, то они готовы сдаться с крепостью, если же он не захочет сделать этого, они будут держаться до тех пор, пока будет жив хоть один из них, даже если им придется пожрать друг друга. Шуйский удивился этому и сказал: «Хотя я поклялся ни одного человека в Туле не пощадить, я все же смирю свой гнев и немилость и ради их храбрости за то, что они так твердо соблюдали присягу, данную вору, дарую им жизнь, если они будут служить мне так же верно, как служили ему», — на том он поцеловал свой крест и приказал сказать им, что они все будут помилованы.

После этого они передали Шуйскому крепость Тулу в день Симона-Иуды 1607 г. Болотников проехал через калитку в задних воротах, где вода была не так глубока, к шатру Шуйского, выхватил свою саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал: «Я был верен своей присяге, которую дал в Польше тому, кто называл себя Димитрием. Димитрий это или нет, не могу знать, ибо никогда прежде его не видел. Я ему служил верою, а он меня покинул, и теперь я здесь в твоей воле и власти. Захочешь меня убить — вот моя собственная сабля для этого готова; захочешь, напротив, помиловать по своему обещанию и крестоцелованию — я буду верно тебе служить, как служил до сих пор тому, кем я покинут».

Шуйский приказал ему подняться и сказал, что он сдержит все, что обещал им и в чем поклялся. Когда все люди, кроме местных жителей, уже ушли из крепости, а Шуйский вновь занял ее со своими людьми, он отправил Болотникова и князя Петра с 52 немцами, которые были с ними в Туле, среди которых был и один из моих сыновей по имени Конрад, с приставами в Москву. Немцам разрешили уйти к своим, а князь Петр и Болотников некоторое время так охранялись, что никто не мог пройти к ним и они не могли никуда выйти. Клятву, данную этим двум людям, Шуйский сдержал так, как обычно держат клятвы такие люди, как он. Князя Петра, который, согласно надежным сведениям, вероятно, был царского рода, он приказал вздернуть на виселицу в городе Москве. Болотникова он отослал оттуда в Каргополь, приказал продержать его там некоторое время в темнице и в конце концов выколоть ему глаза и утопить.

Как только Шуйский заметил, что Димитрий второй снова приближается, он перестал доверять вышеупомянутым 52 немцам и поэтому распорядился, чтобы их выслали из Москвы в некогда отнятую, как было сказано выше, у татар и лежащую в 800 немецких милях от Москвы пустынную Сибирскую землю, где им пришлось жить среди варварских народов и диких зверей, питаясь только рыбой и мясом без хлеба. Да укажет Господь праведный в милости своей пути и способы, чтобы освободиться им снова оттуда во имя Иисуса Христа. Аминь. Аминь. Аминь.

На князе Григории Шаховском, который, как указано выше, был поджигателем и зачинщиком всей этой войны и подбил

путивлян на возмущение тем, что он сказал и утверждал, что Димитрий не убит, а ушел с ним из Москвы и отправился в Польшу к жене воеводы Сандомирского, оправдалась поговорка: «Чем плут отъявленней, тем больше ему везет». Ему заточение пошло на пользу. Казаки и горожане бросили его в тюрьму, ибо никакой Димитрий не приходил и не освобождал их, в чем он их обманно заверил. А когда Шуйский приказал выпустить в Туле всех пленников, вышел на свободу и этот князь и сказал Шуйскому, что воинские люди бросили его в тюрьму из-за него, ибо заметили, что он, Шаховской, хочет уйти из крепости к царю. Ему поверили и оставили этого первого зачинщика всех бедствий на свободе. А он вскоре затем, усмотрев удобный случай, перешел к Димитрию второму и стал у него самым главным воеводой и преданнейшим советником. <...>

Глава XX

Что в 1611 г. случилось в России и особенно в главном городе Москве, почему польский король не пустил своего сына, господина Владислава, избранного русским царем, поехать туда и какое большое несчастье и неисправимое бедствие произошло от этого

После смерти Димитрия второго все города и крепости, которые были под его властью и помогали ему против Москвы, написали жителям Москвы следующее: что их «попутал грех», а Димитрий, выдававший себя за истинного царевича, был бичом для них и для всей Московской земли и т.п. Они снова помиряются с москвичами и будут жить в согласии с ними, если те снова выгонят из города поганое польское войско, этих нехристей, чтобы через то бедная Россия снова успокоилась и не проливалось бы в ней больше столько христианской крови. Жителям Москвы это очень понравилось, они поблагодарили их за то, что они опомнились и хотят исправиться, убеждали их тоже не отказываться принести присягу господину Владиславу, которому они сами уже присягнули, чтобы благодаря этому земля Русская снова стала бы единой.

Вместе с этим письмом жители Москвы послали тайком еще и другие письма следующего содержания: пусть они не отказываются принести при всем народе присягу королевичу, ибо

благодаря этому утихнет внутреннее междоусобие, разъединяющее их, и земля Русская опять станет единой. Тем не менее пусть они поразмыслят, как им потихоньку из-под руки уничтожить поляков, которые имеют в их местностях усадьбы или же живут у них в городах, и тем самым поуменьшить число неверных на Руси. Сами они, москвичи, не слабее тех поляков, которые живут у них в Москве, и когда придет время, те тоже хорошо заплатятся; хоть они и одеты в латы и шлемы, все же их забьют насмерть дубинами.

После этого, 2 января 1611 г., города и крепости принесли клятву и присягнули избранному царю, господину Владиславу, и тем сильно пустили дым в глаза полякам. Однако пословица «*Malum consilium consultori pessimum*»¹ в конце концов оправдалась на клятвopеступных москвичах, как вскоре будет сказано.

25 января, в День обращения апостола Павла, в Москве собрался народ, стали жаловаться, что польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников и сильно бесчинствуют в их домах, кроме того, расточается царская казна, народ обирают, каждый месяц уходят большие деньги на 6000 солдат, а избранный царь Владислав все равно не приезжает.

Говорили еще, что надо подумать, как это изменить, поскольку видно, что король собирается опустошать, а не укреплять их землю, а это достаточно ясно можно понять из того, что он, вопреки своей клятве, не пускает сюда своего сына. Тут же они дерзко заявили королевскому наместнику, господину Гонсевскому, и всем его ротмистрам и капитанам, чтобы те в кратчайший срок добились приезда избранного царя, если же нет, то сами подобру-поздорову убирались туда, откуда пришли, иначе их выгонят, а москвичи для такой завидной невесты скоро найдут другого жениха.

Господин Гонсевский ответил им спокойно и попросил их одуматься и не подавать повода к беде, а также не беспокоиться, ибо у короля много дела в своем королевстве, а он хочет

¹ Злой совет приносит наибольшее зло самому советчику.

снарядить в путь своего сына так, чтобы это послужило к чести и славе как польского королевства, так и русского царства, и, кроме того, он хочет сначала завоевать и занять Смоленск, поскольку этот город издавна принадлежит польской короне и для того, чтобы не иметь впоследствии спора из-за него с собственным сыном. Он, Гонсевский, обещает написать его величеству и попросить, чтобы молодой государь был направлен сюда как можно скорее, а тем временем он будет именем своего государя творить суд над поляками, которые учинили что-либо. Пусть москвиты подают жалобы, им будет оказана справедливость. Тотчас же после этого некоторые стали жаловаться на одного польского дворянина, который у Сретенских ворот в пьяном виде трижды стрелял в образ св. Марии, и просили, чтобы его наказали, а тогда они на этот раз о других обидах и насилиях промолчат. Наместник приказал тотчас же его арестовать, а затем осудить на смерть. Его привели к вышеупомянутым воротам, отрубили ему сначала на плахе обе руки и прибили их к стене под образом св. Марии, потом провели его через эти же ворота и сожгли в пепел на площади, а господин Гонсевский приказал прочесть народу письмо о том, что его величество, избранный царь господин Владислав, скоро прибудет в Москву, пусть они ревностно молятся за него. Его величество повелел творить строгий суд, пресекать бесчинства, защищать москвитов, не допускать, чтобы им мешали в их религии, и т.д., что и было выполнено сейчас, когда на их глазах бесчинствующим полякам был дан такой урок, что уж, наверное, они теперь поостерегутся. Москвитам следует успокоиться, ибо впредь все будет хорошо, и т.д.

Хотя это как будто утихомирило москвитов, все же поляки были настолько настороже, поскольку часть из них уже знала, что москвитам не слишком можно доверять. Поэтому они выставили у ворот на круглые сутки сильную и бдительную охрану в полном вооружении и запретили русским носить какое-либо оружие, стали обыскивать все въезжающие телеги и сани, не скрыто ли там какое-нибудь оружие, а когда москвиты этому удивлялись, отвечали: «Нас только горсточка против вашего народа, поэтому правильно, что мы опасаемся и держимся настороже. Мы-то ничего дурного против вас не за-

мышляем, а у вас, москвитов, дурное на уме. Мы не собираемся начинать никаких раздоров и не получали от нашего государя подобного приказа, только держите себя спокойно и сами тоже не начинайте никакого мятежа, а нас вам бояться нечего, и т.п.». Но у москвитов душа болела из-за того, что поляки отняли у них все преимущества, они повесили головы и стали говорить: «Вот каково нам уже приходится, а что же будет, когда наедет еще больше телячьих голов? По их поведению ясно видно, что они хотят подчинить нас и властвовать над нами, это нужно вовремя предотвратить. Мы действительно избрали польского государя, но не для того, чтобы каждый простой поляк был господином над нами и нам, москвитам, пришлось бы пропадать, а для того, чтобы каждый у себя оставался хозяином. Пусть король, старая собака, подождет со своим щенком-сыном. Если он уж до сих пор не приехал, так пусть и вовсе не является. Не хотим мы иметь его своим государем, а если эти 6000 глаголей не захотят убраться прочь подброду, то мы их всех перебьем, как собак, хоть они и имеют большие преимущества. наших жителей 700 000 человек, если они не на шутку примутся за что-нибудь, так уж кое-чего добьются». Москвиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было надобно. «Эй, вы, косматые, — говорили москвиты, — теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город». Что бы поляк ни покупал, он должен был платить вдвое больше, чем москвиты, или уходить не купивши. Отсюда можно заключать, как поляков ненавидели. Некоторые разумные поляки убеждали их добром, говоря: «Смейтесь, смейтесь, мы готовы многое претерпеть от вас и без большой нужды не станем затевать кровопролития между вами и нами, но если вы что-нибудь учините, то смотрите, как бы вам потом не раскаяться», и уходили, осыпаясь насмешками и издевательствами.

13 февраля несколько польских дворян поручили своим пахоликам купить овса на хлебном рынке, который расположен на том берегу московской речки, называемой Москва. Один из этих слуг проследил, сколько дают русские за кадку, велел ему

также отмерить полную кадку и отсчитал за нее польский флорин, ровно столько же, сколько платили русские. Когда же московский барышник не захотел удовольствоваться одним гульденом и пожелал получить два гульдена за бочку, слуга сказал: «Эй ты, курвин сын, москаль, так тебя растак, почему ты так дерешь с нас, поляков? Разве мы не одного и того же государя люди?» Московит ответил: «Если ты не хочешь платить по два флорина за кадку, забирай свои деньги и оставь мне мой овес для лучшего покупателя. Ни один поляк у меня его не получит, пошел ты к черту» и т.д.

Когда же рассерженный этим польский слуга выхватил саблю и хотел нанести удар барышнику, прибежали около 40 или 50 московитов с оглоблями от саней, убили трех польских слуг и собрали такую большую толпу, что польской конной страже, стоявшей у Водяных ворот на наплавном мосту, приказано было поехать узнать, что там происходит. Когда остальные слуги увидели это, они побежали навстречу польской страже, преследуемые множеством московитов с оглоблями и дубинами, призвали эту стражу на помощь и сказали, что троих из них уже убили без всякого повода, только за то, что они спросили, почему поляки должны давать за кадку овса 2 флорина, если русские платят за нее только 1 флорин. Тогда 12 польских наемников врезались на рынке в многосотенную толпу московитов, убили 15 человек и прогнали весь народ с рынка.

Когда же это стало известно в той части города, которая примыкает к Кремлю, и за Белой окружной стеной, то со всех улиц сбежалось несметное множество народу, сильно разъяренного на поляков за то, что они застрелили столько их собратьев. В этот день вскоре началась бы потеха во имя дьявола, если бы этому не воспрепятствовала и не помешала рассудительность наместника. Он произнес перед всем народом трогательную речь и честно предостерег их от беды. «Вы, московиты, — сказал он, — считаете себя лучшими христианами на свете. Почему же вы не боитесь Бога и так жаждете пролить кровь и стать изменниками и клятвопреступниками? Неужели вы думаете, что Бог вас за это не покарает? Воистину он сделает это, вы испытаете на себе Его бич. Вы убили столько наших государей, избрали своим государем сына нашего ко-

роля, присягнули и поклялись ему, а теперь только за то, что он не смог приехать сюда так скоро, как вам хотелось бы, вы поносите его и его отца, вы обзываете его щенком, а его отца старой собакой. Господь на небесах велит, чтобы вы воссоздавали им почести как Его наместникам на земле, а вы честите их хуже, чем если бы они были вашими свинопасами. Теперь вы не хотите хранить свою присягу, не хотите иметь его своим государем, а ведь вы сами, по своей доброй воле выбрали его, даже усердно просили короля, чтоб он дал свое согласие на это и дозволил своему сыну стать вашим царем, почему вы и приняли нас в вашу крепость. Вы убиваете его людей и не думаете о том, что мы спасли вас от вашего врага, Дмитрия второго. То, что вы содеете вашему и нашему государю Владиславу, вы содеете не человеку, а самому Господу, он ведь не позволит насмеяться над собой. Не полагайтесь, любезные государи, на свою мощь и силу и на свою многочисленность, на то, что нас 6000, а вас 700 000. Победа зависит не от большого множества людей, а от заступничества и помощи Господа Бога. Он может помочь при малых силах так же, как и при больших, что достаточно ясно видно из многих примеров, а в последнее время вы даже и сами часто испытывали это на себе, когда вас, такое множество тысяч, не раз на поле побивали незначительные войска.

Подумайте, господа, из-за чего вы бунтуете? Кому служим мы, тому и вы слуги и подданные, ваш государь и наш государь. Если вы теперь приметесь за убийства и кровопролития, поистине Бог не даст вам в этом удачи, а заступится за нас, как за свое малое воинство, ибо наше дело правое и в бой мы пойдем за государя нашего».

Тут кое-кто из черни перебил его и сказал: «Ну, все вы вместе нам только на закуску, нам не к чему брать в руки ни оружия, ни дубин, сразу закидаем вас насмерть колпаками». Наместник ответил: «Любезные государи, войлочной шляпой не убьешь и девку, а не то что по-настоящему вооруженных героев и испытанных воинов. Устанете кидать и бросать в 6000 девок, а что же будет, если вы натолкнетесь на храбрость 6000 вооруженных воинов. Прошу вас, умоляю и искреннейше предостерегаю, не устраивайте кровавой бойни».

На это они сказали: «Так убирайтесь отсюда и освободите Кремль и город». Он опять ответил: «Нам этого не позволяет наша присяга, и не для того мы здесь поставлены нашим государем, чтобы убежать, когда это будет вам или нам угодно, а для того, чтобы оставаться, пока он сам сюда не прибудет». Они сказали: «Ну, тогда в ближайшие дни никто из вас не останется в живых». Он ответил: «Это в воле Божией, а не в вашей. Если вы начнете что-либо и не сможете закончить так, как вам этого хочется, то да сжалится Бог тогда над вами и вашими детьми. Я достаточно предостерег вас. Мы предоставим вам действовать, а сами будем настороже. Если Бог за нас, то вы на нас не наживетесь». С этими словами он уехал от них назад в Кремль, а люди разошлись все с той же закоренелостью в душе и с тем же ожесточением в сердце.

После того как прошло несколько недель, а о приезде Владислава все-таки ничего не было слышно и, напротив, пошла тайная молва, что его величество не желает доверять своего сына вероломным людям, они стали еще неистовее и безумнее, особенно же после того, как наместник и военные начальники в четвертое воскресенье поста потребовали съестных припасов и денег для ратных людей. Тут москвиты не захотели кормить их ничем, кроме пороха и свинца, и потребовали, чтобы они ехали к своему государю и от него получали свое жалованье. Они изругали постыдным образом также и московитских вельмож, стоявших за короля, а именно — Михаила Глебовича Салтыкова, Федора Андропова, Ивана Тарасовича Грамотина и еще некоторых других, и потребовали, чтобы им выдали всех их, будто бы предавших Россию и своей хитростью добившихся, что ее предложили королевскому сыну.

В ответ на это господин Борковский, главный начальник немцев и иноземцев, приказал немедля начать бить в барабаны и поставить мушкетеров под ружье. Это испугало москвитов, около 3000 которых столпилось в Кремле, собираясь бунтовать, и они живо убралась из Кремля. Солдаты уже хотели закрыть ворота Кремля и напасть на клятвопреступных русских, они охотно вцепились бы в них, но начальник не допустил до этого, а сказал: «Стойте и ждите, пока они сами начнут и пой-

дут на нас. Тогда мы продолжим. Пусть их бранятся, от бранных слов никто не погибал. Если же они будут искать крови, то пусть все идет своим чередом».

Так через четверть часа в Кремле больше не было ни одного русского, однако было достаточно ясно, что в ближайшее время москвиты учинят возмущение по той причине, что военачальник и полковники не хотели разрешить москвитам празднование Вербного воскресенья (которое после Николина дня является у них самым большим праздником в году) во избежание мятежа и бунта, поскольку по их обычаю в этот день царь идет из Кремля пешком в церковь (которую они называют Иерусалимом), а патриарх едет, восседая на осле, и этого осла царь должен держать под уздцы. Впереди едет клир в священническом облачении и поет по своему обычаю Осанну. Двадцать ли больше боярских детей в красных одеждах идут перед царем и расстилают свою одежду на пути, по которому идут царь и осел с сидящим на нем патриархом; когда царь проходит, они поднимают с земли свою одежду, забегают вперед и снова расстилают ее на дороге, и это продолжается до тех пор, пока он не доходит до Иерусалимской церкви. На санях устанавливается высокое дерево, и его везут вслед за патриархом. На этих же санях стоят три или четыре мальчика и тоже поют Осанну; на ветвях дерева навешаны разные яблоки. За деревом следуют в процессии все князья, бояре и купцы.

Для участия в этом празднестве стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может ходить, отправляется туда, и там происходит такое скопление народа, что слабым, малосильным людям нельзя находиться там, если они хотят сохранить здоровье. Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника народ еще больше озлобился и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя пришлось одному из знатных московитских вельмож, Андрею Гундорову, вести под уздцы осла (патриарха, сидящего на осле) до Иерусалимской церкви. Но немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и на чеку. Начальникам все же удалось разведать, что москвиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патри-

арх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе.

Узнали они также, что все князья и бояре держат на своих дворах множество саней, нагруженных дровами, чтобы, как только начнется смута, вывезти их на улицы и поставить поперек, так что ни один всадник не сможет проехать по улицам, и поляки не смогут выручить друг друга, так как они рассеяны в разных местах по городу.

Поэтому наместник господин Гонсевский и полковник иноземцев Борковский дали распоряжение, чтобы ни один немец, или иноземец, или поляк под страхом смерти не оставался за третьей или четвертой окружной стеной, а тотчас же направился в Кремль и под Кремль, для того чтобы быть вместе на случай, если начнутся беспорядки, а не так, как это было со свадебными гостями Димитрия первого, разбросанными и рассеянными повсюду.

Увидев, что в понедельник немцы со всем, что у них было, направляются в Кремль, так же как и иноземные солдаты, московиты поняли, что, наверное, их замысел открыт. Они просовещались день и ночь, как помешать тому, чтобы все воинские люди собрались в Кремле и перед Кремлем, и затем во вторник, утром 19 марта, московиты начали свою игру, побили на смерть многих поляков (которые эту ночь проводили еще на своих квартирах), сделали больверки и шанцы на улицах и собрались во множестве тысяч.

Наместник послал к ним несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были помешать подобным их намерениям, но московиты на них не обратили никакого внимания. Московитские стрельцы (это аркебузники) так в них палили, что много и людей и коней полегло на месте. Если бы не было в крепости набранного из немцев и других народностей полка мушкетеров, а также и поляков, то в этот день едва ли остался бы в живых хотя бы один из этих 5000 конных копейщиков, ибо московиты уже сильно выиграли духом, увидав, как много поляков сбито с коней и какое множество отрядов отступило. Они так ужасно кричали и вопили, что в воздухе стоял гул; к тому же тысячи колоколов били тревогу.

Когда поляков столь бесславно проводили пулями и стрелами снова до ворот Кремля и на них напал великий страх, капитан иноземных ратников господин Яков Маржерет в восемь часов по нашему времени выслал из Кремля на Никитскую улицу три роты мушкетеров, в совокупности всего только 400 человек. Эта улица, длиною в четверть путевой мили, имела много переулков, в которых за шанцами и больверками укрылось 7000 московитов, нанесших большой урон полякам. 400 мушкетеров напали *in nomine Domini*¹ на николаитов за первым больверком и так успешно стреляли, что те по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью, падали на землю. Поэтому с добрый час был слышен ужасающий гул от московитского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетов, от шума и завывания небывалой бури, так что поистине слышать и видеть это было очень страшно и жутко. Солдаты тем не менее так стремительно нападали по всей улице, что тут уж московитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх напал на них. Но те вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежды были в крови, и весь вид у них был устрашающий. Они уложили много московитов, а из своих потеряли только восемь человек.

С того берега Неглинной (это маленькая речушка в городе) снова послышался сильный крик московитов, которые сделали и там на улицах шанцы и сильно били в набат. Тогда эти три роты отважились пойти и туда тоже, и Бог помог им одержать там победу. В течение двух часов они бились с московитами на одном и том же месте, пока не одолели их. Но затем снова собралась толпа на Покровской улице. И так как через некоторое время 400 солдатам стало неважно так долго и так далеко бегать с тяжелыми мушкетами в руках и столько часов биться с врагом, стрелять, рубить и колоть, то полковник Борковский выпустил несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были

¹ Во имя Господа.

прийти им на помощь. Поскольку они не могли добраться до московитов на конях по разрытым улицам, полковник приказал поджечь на всех улицах угловые дома, а дул такой ветер, что через полчаса Москва от Арбата до Кулижек была вся охвачена огнем, благодаря чему наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасти оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов, оставив там все, что они имели. Так оправдалась старая военная латынь, которая была поговоркой в древности в Риме и стоит в девятой эклоге из «Буколик» Вергилия: «Ut possessor aggelli diceret: haec mea sunt, veteres migrate coloni»¹. В этот день выгорела третья часть Москвы, и много тысяч людей погибло от пуль, мечей и от охватившего их огня.

Улицы, где стояли ювелирные и оружейные лавки, были до того завалены мертвыми телами, что ноги проходивших там в некоторых местах едва касались земли.

Воинские люди захватили в этот вечер в ювелирных и других лавках огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом, дорогими украшениями, парчой, бархатом, шелком и т.п.

На следующую ночь остальные русские укрепились у самого Кремля, в Чертолье, где накануне пожара не было. Точно так же и живущие по ту сторону Москвы-реки тоже построили шанцы напротив Кремля, водрузили на укреплениях свои знамена и стали расхаживать от одного шанца к другому. Те, что были в Чертолье, занимали треугольник, образуемый большой Белой стеной, и находилось там около тысячи стрельцов. Они подобным же образом сделали шанцы на улицах, по обе стороны от стен, полагая, что наши станут штурмовать с лобовой стороны. Замосквореченские сделали шанцы у наплавного моста против Водяных ворот, поставили туда пушки и упорно стреляли по нашим. Они тоже, как и другие, предполагали, что наши придут с лобовой стороны.

Но капитан Яков Маржерет применил замечательную военную хитрость. Он предоставил им укрепляться и сторожить,

¹ Чтобы хозяин участка сказал: «Это мое, выселяйтесь, прежние обитатели!».

а сам, поскольку лед на Москве-реке был еще крепкий, вывел своих мушкетеров через кремлевские Водяные ворота на реку и, оказавшись таким образом между врагами и укреплениями, мог нападать направо и налево, как ему вздумается. Помимо того, на льду стояли 12 польских конных рот, наблюдавших, не подойдет ли кто-нибудь слева на смену чертольцам, но те оставались в своих шанцах. Капитан Яков Маржерет прошел с солдатами по льду вдоль Белой стены до пяти башен, затем обогнул город и вошел через городские ворота, находившиеся в тылу врага, который не ждал отсюда опасности и держал эти ворота открытыми для своих друзей, находящихся в других больверках или шанцах. Благодаря этому русские и проиграла, ибо они охраняли больше передние шанцы, чем ворота в тылу. Наши неожиданно для них в один миг напали на шанцы, быстро на них взошли, всех побили насмерть, подожгли шанцы и все Чертолье.

Когда это увидели те, которые были на других шанцах по ту сторону реки, они пали духом, и, надо думать, совсем в ужас их привело то, что как раз *in punkto*¹, когда наши поляки стали выбираться на берег, чтобы иметь больше простора, пришел из Можайска пан Струсь с 1000 отборных конников, которые стали рыскать по городу, где им вздумается, жечь, убивать и грабить все, что им попадалось. Сровняв с землей Чертолье, наши солдаты отправились и на ту сторону реки Москвы, тоже подожгли шанцы и все дома, до которых они могли добраться, и тут уж московитам не помогли ни крик, ни набат. Нашим воинам помогал ветер и огонь, и куда бы московиты ни отступали, за ними гнались ветер и пламя, и ясно было, что Господь Бог хочет покарать их за кровавые убийства, клятвопреступления, лихоимство и эпикурейское содомитство.

Тут можно было видеть, как люди толпами бежали за город в ближайшие монастыри. К полудню уже не было ни малейшего сопротивления и не видать было московитских воинов. Так в течение двух дней великая Metropolis (столица) Russiae (имевшая в окружности более 4 немецких миль) обратилась в грязь и пепел, и не осталось от нее ничего, кроме Кремля с предкрем-

¹ В то мгновение.

левской частью, занятых королевскими людьми, и несколько каменных церквей. Большинство же прочих церквей внутри и снаружи Белой стены были построены, как и все другие строения по всей России, в виде блока из одного только дерева; все тоже было построено из дерева — самая внешняя, четвертая окружная стена, которая шла вокруг всей Москвы, со всеми домами и дворами, стоявшими внутри, равно как и усадьбы князей, бояр и богатых купцов у Белой стены — все было превращено в пепел.

Так незначительный отряд, а именно — 800 немцев и солдат из других народов и 6000 поляков, прогнали прочь со дворов и домов, со всего, что они там имели, 700 000 человек, способных действовать и саблями, и ружьями, и луками со стрелами, а вместе с этими людьми и их жен и детей, и всем им пришлось смотреть, как пылали место пребывания их царей и весь город, обливаться своим собственным жиром, убивать самих себя порохом и свинцом и отдавать чужеземцам на расхищение свою богатую казну (которая неисчислима, а для многих — невероятна). Из нее оплатили все королевское воинство до 1612 г. Семь царских корон и три скипетра, из них один — из цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как *ite in ordem universonum*¹ кочевать по чужим землям.

Поляки после смуты сместили патриарха, который был *dux und author omnis seditionis*², и велели, чтобы 30 стрелков стерегли его в Кирилловском монастыре до прибытия господина Владислава, в ожидании возмездия, которое он заслужил подстреканием к такому бунту и мятежу, из-за которого плачевно погибло столько людей, вся Москва подверглась разрушению и был причинен непоправимый вред огнем и грабежом. Иными словами: «Не по вкусу тебе мир — будешь сыт по горло войной, не хочешь благословения — получай проклятие».

Последнее московиты и навлекли на себя в тот день, как рубашку, согласно тому что написано в книге Премудрости: чем

¹ Идти по всему миру.

² Вождем и зачинщиком всех беспорядков.

кто согрешит, тем и наказывается. Несколькими годами раньше они достаточно проявили свою ужасающую жестокость на немцах в Лифляндии грабежом, убийствами, пожарами, разгулом и опозориванием или обольщением женщин и девушек. Теперь им за это воздано и отплачено сторицею. Если они вывезли из Лифляндии ценностей на 100 000 гульденов, то у них забрано больше чем 100 бочек золота. Немногие немецкие пленные женщины и девушки, которым они причинили зло и увели их из Лифляндии в Москву, не могут идти в сравнение с громадным числом стольких тысяч их женщин и девушек, опозоренных и обольщенных поляками.

Вред, причиненный России пожарами, так велик, что на опустошенных местах можно вполне поместить 4 или 5 Лифляндий. В этой семилетней войне убито больше 600 000 москвитов, состоявших в их списках в то время, когда я еще был там, не считая тех, которые в разных местах были тайно умерщвлены и спущены под лед или брошены в воду, а скольким им еще придется заснуть на сырой земле раньше и прежде, чем они снова обретут прочный мир!

Так как в течение 14 дней не видно было, чтобы москвиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах; на пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московитских погребах — французского, венгерского и мальвазии.

Кто хотел брать — брал. От этого начался столь чудовищный разгул, блуд и столь богопротивное житье, что их не могли прекратить никакие виселицы, и только потом Ляпунов положил этому конец при помощи своих казаков. Столь постыдно

воинские люди использовали во зло эту большую победу, а Господу Богу никакого благодарения не воздали! Из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских, проигрывали в карты детей знатных бояр и богатых купцов, а затем силою навсегда отнимали их от отцов и отсылали к их врагам, своим родителям и родственникам.

Тогда никто или мало кто из солдат думал о таком прекрасном провианте, как шпиг, масло, сыр, всякие рыбные припасы, рожь, солод, хмель, мед и т.п. Все это имевшееся в изобилии было умышленно сожжено и уничтожено поляками, тогда как все войско несколько лет могло бы этим кормиться с избытком. Верно, польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают *chimica arte*¹, но все-таки они не могут насытить голодный желудок.

Через два или три месяца нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 м. грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а каравай хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще иного было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов (о котором упоминалось выше) вернул обратно бежавших московитов, и на третьей неделе после мятежа, во второе воскресенье после Пасхи, они снова взяли Белый город, потому что нашим с таким небольшим количеством людей невозможно было его занимать и удерживать. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти. Как говорится: «*Post haec occasio calsa*». Не следует упускать удобного случая, а также «*Cudendum dum ignitum berum*». Надо ковать, пока железо еще горячо.

¹ Химически.

Так обстояло дело, когда во второе воскресенье после Пасхи сего, 1611 г. королевские воины в Москве снова были осаждены московитами и ежедневно стали происходить такие большие стычки, что священникам и цирюльникам дела хватало. От всего полка немцев и воинов других национальностей осталось только 60 солдат. Кремль уж давно сдался бы сам из-за голода, если бы господин Иван-Петр-Павел Сапега в день св. Иакова этого же года не выручил его, с ловкостью пройдя Белый город, занятый московитами, и доставив в Кремль, кроме прочего провианта, 2000 караваев хлеба. В отсутствие господина Сапеги, отправившегося в загон, московиты осадили и взяли Девичий монастырь, расположенный в полумиле от Кремля и занятый нашими, и этим отняли у наших все ворота, которыми еще можно было пользоваться, так что ни войти к ним, ни выйти от них не могла даже собака или кошка, отчего им пришлось очень страдать.

Когда же господин Сапега занемог тяжелой болезнью, от которой он и умер, их снова выручил в день св. Варфоломея военачальник польской короны в Лифляндии господин Карл Хоткевич (посланный его величеством королем польским и пр. в Москву с несколькими тысячами испытанных воинов), который доставил полякам на этот раз столько провианта, что они были в состоянии продержаться довольно долго. Но так как потом Хоткевич уже не смог больше ничего доставить им и не смог снова отбить и отогнать московитов, чтобы выволить поляков в крепости, ибо русских чем дальше, тем становилось больше и они усилили осаду Москвы, не жалея ни старания, ни усердия, ни труда, ни крови, чтобы вернуть ее себе со всем, что к ней относилось, польское же войско с каждым днем уменьшалось и слабело, то московиты в конце концов многократными, длительными и ужасающими штурмами отвоевали и снова захватили московский Кремль — местопребывание царей, ужасным образом уничтожили и умертвили всех, оставив в живых лишь несколько знатных поляков, чтобы потом в обмен на них освободить своих, находившихся в плену в Польше. После того как они получили обратно московский Кремль, местопребывание царей, они избрали царем своего соотечественника, знатного вельможу Михаила Федоровича из рода Никитичей и корону-

???

вали его. Его отца зовут князь Федор Никитич, этого Федора Никитича (как выше упоминалось) Димитрий второй сделал патриархом, а впоследствии он вместе с Шуйским и его братьями был уведен в плен в Польшу. Если этот новый царь удержит свою державу, значит, ему очень везет, ибо хотя московиты и его величество король шведский (брата которого они прежде тоже избрали царем, а потом не захотели принять) заключили соглашение, по которому московиты уплатили большие деньги и отдали королю в потомственное владение, отказавшись от них навечно, следующие шесть мощных крепостей: Кексгольм, Нотебург, Копорье, Гдов, Ямгород, Ивангород (называемый русской Нарвой и расположенный точно и прямо против немецкой Нарвы в Лифляндии по ту сторону реки, именуемой Нарвой, течение которой в этой местности на протяжении нескольких миль является границей между Россией и Лифляндией) — и Корелу со всем относящимся к ней великим княжеством, а за это получили обратно большой торговый город Новгород с огромным относящимся к нему великим княжеством Новгородским и, таким образом, заключили вечный мир со Швецией, все же маловероятно, чтобы его величество король польский (во власти которого все еще находится крепость и все великое княжество Смоленское, простирающееся до Путивля на 100 миль, которое ему, однако, очень дорого обходится), как и сын его королевского величества принц Владислав, оставили неотомщенным причиненное им великое бесчестье...

Комментарий

Московская хроника (1584–1613) Конрада Буссова достаточно полно и последовательно отображает события Смутного времени начала XVII в. В дневнике проскальзывают нотки тенденциозности в освещении перипетий разразившейся трагедии на просторах России. Так, он утверждает, что московиты — так иностранцы называли россиян в XVI–XVII вв., понесли заслуженное наказание за преступления «московского» войска в Ливонской войне 1558–1583 годов. Но Буссов — житель Ливонии — умалчивает о том, что при капитуляции Дерпта в июле 1558 г. воевода П.И. Шуйский обещал не трогать имущество горожан, оставляя за ними право выбора местожительства, при-

зывал жителей Дерпта обращаться к нему с жалобами в случае мародерства. И слово свое сдержал — строго наказывал грабителей, пресекал бесчинства, в чем убедились горожане. Такие же условия соблюдались и при взятии Феллина (Вильянди) в августе 1560 г.¹ Но то, что происходило в России и ее столице в период интервенции, потрясло очевидца, и он вынужден был признать: «Вред, причиненный России пожарами (в дневнике отмечены и грабежи, убийства жителей, буйство интервентов), так велик, что на опустошенных местах можно поместить 4 или 5 Лифляндий».

И тем не менее Российское государство возродилось буквально из пепла пожаров Смуты и войн с завоевателями, что также поразило немца К. Буссова.

Хроника является ценным историческим источником, написанным по горячим следам событий, отражающих не только Смутное время, но и ход и исход шведско-польской интервенции. И тем не менее дневник требует от исследователей критического подхода при его использовании в работе по проблемам истории России XVII в.

¹ «Скажите всем, что Русь всегда жива...» Военная история государства Российского (VI–XVI вв.). М., 2004. С. 489–493.